

Арктика и Север. 2023. № 51. С. 295–304.
Обзорная статья
УДК [39+902](571.56)(045)
doi: 10.37482/issn2221-2698.2023.51.295

Вопрос о происхождении русскоустыинцев и разведочные работы в дельте Индигирки

Строгова Екатерина Алексеевна¹✉, кандидат исторических наук, научный сотрудник, доцент

¹ Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, ул. Петровского, 1, Якутск, Россия

¹ Арктический государственный институт культуры и искусства, ул. Орджоникидзе, 4, Якутск, Россия

¹ estro@list.ru ✉, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9723-5268>

Аннотация. Происхождение группы русских арктических старожилов, проживающих в низовьях Индигирки в селе Русское Устье, всё ещё является предметом дискуссий. Несмотря на существование официальной версии, активно продвигается версия о её происхождении от новгородских бояр, якобы поселившихся в этих местах уже в XVI в. Она переходит из публикации в публикацию и по сей день не имеет ни подтверждения, ни опровержения. Письменные источники скорее опровергают, чем подтверждают предание полным отсутствием сведений. В статье обосновывается попытка проверить легенду методом этноархеологических комплексов, для чего были проведены археологические разведочные работы в дельте Индигирки с целью поиска предшественников современного села Русское Устье и оценки их значимости для исследований. В результате работ стало ясно, что основным источником археологического материала может стать урочище «Старое Русское Устье», толщина культурного слоя которого говорит о не менее чем 200-летнем возрасте поселения. Попытка датировки может быть предпринята и на основании материалов погребений, расположенных в местности «Гулянка», эти же материалы могут стать основой для антропологических и палеогенетических исследований.

Ключевые слова: археология, русские, Арктика, разведочные работы, историческое предание, вопросы происхождения

Благодарности и финансирование

Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РНФ, проект №22-18-20036 «Русские старожилы Якутии: история и социально-культурная антропология в контексте российской государственности в Арктике».

The Origin of the Russkoust'inty Ethnic Group and Exploration Work in the Indigirka River Delta

Ekaterina A. Strogova¹✉, Cand. Sci. (Hist.), Researcher, Associate Professor

¹ Institute for Humanitarian Research and North Indigenous Peoples Problems of the Siberian Branch of the RAS, ul. Petrovskogo, 1, Yakutsk, Russia

¹ Arctic State Institute of Art and Culture, ul. Ordzhonikidze, 4, Yakutsk, Russia

¹ estro@list.ru ✉, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9723-5268>

* © Строгова Е.А., 2023

Для цитирования: Строгова Е.А. Вопрос о происхождении русскоустыинцев и разведочные работы в дельте Индигирки // Арктика и Север. 2023. № 51. С. 295–304. DOI: 10.37482/issn2221-2698.2023.51.295

For citation: Strogova E.A. The Origin of the Russkoust'inty Ethnic Group and Exploration Work in the Indigirka River Delta. *Arktika i Sever* [Arctic and North], 2023, no. 51, pp. 295–304. DOI: 10.37482/issn2221-2698.2023.51.295

Abstract. The origin of the group of Russian Arctic old-timers living in the lower reaches of the Indigirka River in the village of Russkoe Ustye is still a subject of discussions. Despite the official version, the version about their origin from the Novgorod boyars, who allegedly settled in those places already in the 16th century, is being actively promoted. Written sources deny rather than confirm the legend with a complete lack of information. The article substantiates an attempt to verify the legend by means of ethnoarchaeological complexes, for which purpose archaeological prospecting works were carried out in the Indigirka delta in order to find predecessors of the contemporary village Russkoe Ustye and to assess their relevance for research. As a result, it became clear that the Staroe Russkoe Ustye tract could become the main source of archaeological material. Dating can also be attempted on the basis of materials from burials located in the Gulyanka area.

Keywords: *archeology, Russians, Arctic, exploration, historical tradition, question of origin*

Среди русских старожильческих групп Якутии наиболее известной можно считать проживающих в низовьях Индигирки русскоустынцев. Уникальность этой группы заключается в первую очередь в том, что из многочисленных русских групп, образовавшихся к началу XVIII в. на всём протяжении российского полярного ареала, к началу XXI в. сохранились только русскоустынцы и походчане, проживающие в низовьях Колымы. Именно с этой точки зрения русские арктические старожилы Якутии представляют научный интерес.

Историография Русского Устья достаточно велика, уже к началу 2000-х гг. она насчитывала более 200 единиц самой разнообразной литературы от серьёзных академических трудов до газетных публикаций. Основной акцент в большинстве научных публикаций сделан на изучении фольклора [1], традиционного говора [2] и сохранности традиционной культуры [3, 4], наиболее яркими публицистическими работами являются, конечно, статьи В.Г. Распутина [5]. Практически в каждой публикации затрагивается вопрос о происхождении русскоустынцев, ответ на который авторы находят в историческом предании о беглых новгородских боярах, достигших устья Индигирки уже в XVI в.

Это предание, изложенное в более или менее внятном виде в книге А.Г. Чикачева [3, с. 6], гласит, что предки русскоустынцев появились в низовьях Индигирки ещё в XVI в. как беглецы из Великого Новгорода. Одной из трагических страниц русской истории этого столетия стал погром, учинённый опричниками Ивана Грозного в Великом Новгороде в 1570 г. Новгородская республика испокон веков была для великих князей, а затем и московского царя источником проблем и экзистенциальной угрозой. Ходило на Новгород объединённое войско Мстислава Андреевича Суздальского, ходил дед Ивана Грозного Иван III, положивший конец вечевой демократии, сами новгородцы несколько раз разоряли Великий Устюг и устюжскую округу. Московские власти постоянно чувствовали необходимость сломить сам дух Великого Новгорода. Даже сам поход до города отмечен более чем полутора тысячами погибших ни в чём не повинных людей, словно шли по чужой стране. Историки до сих пор спорят о количестве жертв погрома: одни, опираясь на Синодик Ивана Грозного, говорят о полутора тысячах (что для XVI в. уже очень много), другие указывают невероятную цифру в сорок тысяч человек, возмозжно, причисляя сюда погибших от страшного неурожая и последовавшего за ним голода и эпидемии чумы. В таких обстоятельствах более или менее далёкие миграции населения неизбежны.

Справедливости ради, необходимо отметить, что существует и «официальная» версия происхождения русскоустыинцев от промышленных и служилых людей, осевших в низовьях Индигирки с конца XVII в. Эта версия хорошо проработана и опирается на письменные источники, но почти всегда оказывается в тени яркой легенды. Являясь ценным историческим источником, предания всё же передают действительность в изменённом виде и нуждаются в изучении и критике. К сожалению, история происхождения русскоустыинцев всё ещё изучена слабо, а предание продолжает использоваться без какой-либо научной критики. Актуальность такого исследования заключается не только в решении локальной проблемы, но и во внесении существенного вклада в понимание истории освоения российской Арктики в целом.

С научной точки зрения красивое предание имеет довольно много слабых мест. Первое, что приходит в голову, это отсутствие какой-либо информации о существующем русском населении, происходящей от самих первооткрывателей Индигирки. Согласно логике для Ивана Реброва «со товарищи» встреча с русскими людьми после долгих скитаний по «неведомым рекам» среди «немирных иноземцов» должна была произвести эффект разорвавшейся бомбы и не могла не найти отражения в их «скасках», «отписках» и «расспросных речах». Даже при условии утраты первоисточников, отголоски этих свидетельств превратились бы в легенды, а затем попали бы в научную и околону научную литературу, как это произошло с походом Пантелея Пянды. Но, увы, несмотря на более чем двухсотлетнюю историю изучения событий и публикации документов об освоении северо-востока Азии в XVII в., ни одного подобного свидетельства не обнаружено по сей день. В челобитных Елисея Бузы¹ и Ивана Ерастова², расспросных речах Фёдора Чукичева³ в подробностях описываются события времён открытия Индигирки и ничего не говорится о встречах с кем бы то ни было, кроме коренного населения этих мест.

Исторические реалии тоже не на стороне легенды. Погром Великого Новгорода был разовой акцией, длительных репрессий за этим не последовало, более того, уже в конце 1572 г. Иван Грозный временно перевёз сюда московскую казну и некоторое время проживал сам. Для разорённой новгородской земли последовавшие за погромом голод и эпидемия чумы были, безусловно, катастрофичны и вызвали массовые миграции населения, но необходимости бежать так далеко объективно не было.

Казалось бы, вот и готовая критика — вопрос можно закрывать, но, судя по живучести и широкому распространению предания в среде интересующихся тематикой арктического мореплавания, необходимы более веские доказательства, подтверждающие или опровергающие его. Наиболее эффективным способом решения этой задачи представляется комплексное исследование с привлечением широкого круга исторических, этнографических и

¹ РГАДА, Ф.1177, Оп.2, Д.88, Лл. 1-4

² РГАДА Ф.1177, Оп 3, ч.2, Д.978, Лл.6-12

³ РГАДА Ф.1177, Оп.2, Д.157, Лл.6-7

археологических источников. Метод этнографо-археологических комплексов, уже показавший свою эффективность в исследованиях русского населения Сибири, требует сосуществования группы современного населения и археологических объектов, связанных с её формированием. С целью выявления памятников, связанных с формированием русскоустыинской этнографической группы, в августе 2016 г. и сентябре 2022 г. были предприняты разведки в дельте р. Индигирки.

Освоение дельты Индигирки русскими промышленниками началось несколько позже её открытия, таможенные документы фиксируют первые отпуска на эту «стороннюю реку» начиная с 1642 г., к середине столетия они становятся массовыми, а к концу века сходят к минимуму из-за упадка пушной добычи и перераспределения миграционных потоков в сторону Дальнего Востока. Карта-схема расположения русских поселений в дельте, составленная краеведом В.И. Шаховой [6], хоть и не очень точна географически, но хорошо демонстрирует освоённость территории. Якуты не расселялись в низовьях Индигирки севернее Бурлугина камня и устья р. Елонь (Берелех), поскольку в тундре отсутствует корм для крупного рогатого скота, это хорошо иллюстрирует топонимика: все названия в дельте абсолютно русские и даже те объекты, что в разное время получили якутские наименования, географическую привязку сохранили русскую — лайда, курья, виска.

Рис. 1. Заимка Сыроватское на Голыжинской протоке. Фото Е.А. Строговой.

Соседями русских в низовьях Индигирки были юкагиры, которые когда-то расселились и в самой дельте, но здесь уже в XVII в. русские их не застали. Предположительно древнеюкагирские жилища — чандалы — были уже заброшены и стали основой для рождения легенд. Эти жилища были обследованы С.А. Федосеевой в 1959 г. в рамках работы Юкагирской экспедиции ИЯЛИ ЯФ СО АН СССР. При посещении Голыженской протоки в 300 м от берега были обнаружены остатки заимки Сыроватское, существовавшей в начале XX в., но отсутствующей как в списке Зензинова [7, с. 130–133], так и на топографической карте. Поселение располагалось посреди тундры на небольшой гриве. На заимке выявлено шесть

погребений с деревянными надгробиями и крестами, в 100 м от них остатки жилища, вероятнее всего, балагана (рис. 1).

Специальное обследование было проведено в местности Станчик, расположенной на перекрёстке проток Колымской, Лундина и Керемсит, Заимка Станчик, по-видимому, одна из старейших в дельте Индигирки, она упомянута в списке Зензинова [7, с. 131] как одно из знаковых поселений. Удобное расположение в перекрестье проток, соединяющих крупные рукава дельты с океаном, позволило Станчику к концу XIX в. развиться в серьёзную торговую факторию, куда, по воспоминаниям русскоустыинцев, заходили американские торговые шхуны. Постройка в XVIII в. церкви, которая подробно изучена и описана А.В. Ополовниковым [8], говорит о том, что уже в это время здесь существовало значительное для этих мест поселение, а само название наводит на мысль о существовании здесь в XVII в. «станового» зимовья промышленников. Наиболее интересной находкой стал деревянный календарь, закреплённый на стене последнего сохранившегося на поверхности дома (рис. 2).

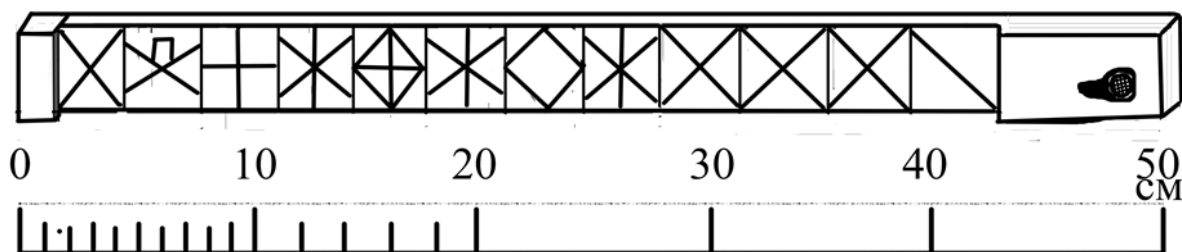

Рис. 2. Прорисовка фигур на календаре, местность Станчик.

Основной целью разведки было, конечно, урочище Старое Русское Устье, которое расположено на левом берегу Русскоустыинской протоки р. Индигирки в 20 км выше современного посёлка Русское Устье (до 1988 г. пос. Полярный) на северном берегу небольшого полуострова, образованного меандром р. Индигирки. До 1943 г. здесь располагалось старинное селение Русское Устье, время основания которого неизвестно, но не позднее первой четверти XVIII в., поскольку об участии жителей Русского Устья в спасении своего судна упоминает Д. Лаптев [9, с. 233–234]. Территория селища представляет собой участок тундры с небольшими всхолмлениями и увалами, на которых и расположены остатки построек [10, с. 232]. Кроме того, территория расчленена тремя небольшими оврагами, в вершинах которых хорошо видны ледяные линзы — истоки размывающих грунт ручейков.

На поверхности в настоящее время хорошо просматриваются остатки семи построек, а также местоположение кладбища. Остатки ещё двух построек зафиксированы в урезе берега. Одну из построек удалось идентифицировать на основании рисунка, обнаруженного в Архиве ЯНЦ СО РАН в материалах этнографа Н.М. Алексева, участника экспедиции 1949 г.⁴ Рисунок, судя по надписи на нём, изображает Русское Устье в 1931 г. [10, с. 233]. Здесь хорошо видны здание церкви и школа. Школа была построена в 1929 г. из брёвен разобранный

⁴ Архив ЯНЦ СО РАН, ф. 5, оп.1, д.771, л. 2.

ожогинской церкви, при переносе поселения на новое место аккуратно разобрана и в настоящее время, правда, в плачевном состоянии, находится на территории современного посёлка. Церковь же, в традициях того времени, была заброшена, вероятно, что в условиях дефицита дерева часть её брёвен тоже была со временем использована на какое-либо строительство или на дрова. Идентифицировать её на местности помогло изображение могил с двух сторон от церкви, поскольку сейчас на местности кресты фиксируются с двух сторон постройки № 1.

Исследование уреза берега по всей длине поселения показало, что культурные остатки здесь концентрируются в слое слежавшейся щепы в сером пылеватом суглинке, мощность которого колеблется от 40 см на краю до 160 см в середине поселения. Под этим слоем просматривается небольшая гумусированная прослойка бурого цвета, возможно, являющаяся погребённой почвой.

На образовавшемся после ухода воды бечевнике на небольшом участке длиной около 2 м было собрано 35 единиц подъёмного материала, из них 15 металлических предметов из меди и железа, 8 изделий из кости, 3 деревянных предмета, 3 каменных грузила-кибаса, 4 фрагмента фарфора.

Железные изделия представлены фрагментами двух ножей (черешкового и складного), развилчатый наконечник стрелы, массивным цельнокованным железным ушком котла, а также двумя крупными коваными гвоздями длиной по 22 см [10, с. 234], деформированным железным кольцом из круглой в сечении проволоки диаметром 0,5 см. В коллекцию железных изделий входят также ножницы, имеющие аналог в материалах Оленёцкого зимовья [11].

Наиболее крупным медным изделием является деформированный фрагмент какого-то сосуда (ведра, котелка, чайника?). Предмет подвергался ремонту: хорошо видна заплатка прямоугольной формы, прикреплённая с помощью медных клёпок. Ещё одна такая заплатка найдена отдельно. Найденная серьга изготовлена из оловянно-цинкового сплава с небольшим содержанием меди и покрыта тонким слоем позолоты [10, с. 233]. Дужка замка изготовлена из того же сплава с небольшим добавлением железа.

Наиболее интересное изделие из кости, обнаруженное на памятнике, это накладка на полоз нарты (подполозок), изготовленная из китового ребра. Такие накладки крепились в передней части полоза после изгиба для улучшения скольжения. Именно поэтому лицевая поверхность изделия отполирована до блеска. Сами русскоустыинцы такие вещи не изготавливали, а покупали у чукчей на Анюйской ярмарке.

Другой интереснейший предмет — миниатюрная копоушка, изготовлен из мамонтовой кости и украшен резьбой [10, с. 234]. Ножка копоушки прямая, фиксированная, округлая в сечении, плавно соединена с пластиной и ложечкой. Ножка и ложечка тщательно отшлифованы. Пластина имеет сложно-профилированную форму и сложный ажурный орнамент. Длина изделия от крайней точки крепления до края ложечки 6,3 см (рис. 3).

Рис. 3. Копушка из мамонтовой кости, Старое Русское Устье.

Колотушка саблевидной формы для сбивания снега с одежды, головного убора и обуви выполнена из ствола рога северного оленя, разрезанного вдоль пополам. На нижнем конце колотушки присутствуют следы обрезания рога и вырезанное круглое сквозное отверстие для крепления шнура диаметром 0,9 см. Несколько предметов определены местными жителями как детали собачьей упряжи, но никто не мог указать конкретное назначение и место расположения деталей. Из мамонтового бивня изготовлено небольшое, но тяжёлое грузило почти квадратной формы размером 5х6 см.

Кроме этого обнаружено ещё три деревянных предмета: деревянный поплавок листовидной формы с прямым основанием и тремя сквозными отверстиями. Большое отверстие 1,6х2,0 см располагается в центре полавка, ещё два вырезанных отверстия расположены вдоль прямого основания, размер полавка 10,0х7,4 см, толщина полавка 0,6 см. Деревянная деталь, интерпретированная как волчок в виде круглого диска с маленьким отверстием в центре. В 2022 г. к коллекции добавился ещё один неопределённый предмет в виде двух деревянных рукояток полукруглой формы, соединённых полуметровой верёвочкой, разделённой метками-узелками на 8 почти равных частей, явно предназначенный для каких-то измерений.

Найдены также пять мелких фрагментов фарфора, возраст которых определить не представляется возможным ввиду отсутствия клейм, и три каменных грузила-кибаса, прикреплённых лыком к кольцам из тальниковых прутьев. Такие «кибасья», как называют их русскоустьинцы, рыбаки используют и в настоящее время.

Большая мощность культурного слоя, около 160 см, позволяет предполагать, что культурные остатки откладывались здесь в течение не менее 200 лет. Сравнение современных очертаний берега с картой, отражающей состояние местности в 1972 г., показало значительное уменьшение территории селища Русское Устье — места расположения старинного села, хорошо известного в этнографической и фольклористической литературе — в результате разрушения водами Индигирки.

В ходе разведочных работ никак нельзя было пропустить легендарную Гулянку — урочище, расположенное в устье р. Елонь (Берелех), в сознании русскоустьинцев прочно

связанное с историей их происхождения, как первое поселение их предков в этих местах. Поселение в устье Елони упоминается в дневнике астронома Е.Ф. Скворцова (1908–1909 гг.) [12, с. 60] у В.М. Зензинова как несуществующее (1914 г.) [7, с. 130].

А.Г. Чикачев записал рассказ русскоустьинской старожилки А.П. Чикачевой-Стрижевой: «Приплыли они на кочах по Голыженской протоке и остановились на устье Елони... и построили 14 домов, кабак и баню. Первое время много пили и гуляли. Несколько человек утонуло. Оттого это место на устье Елони до сих пор называется «Гулянка». Была оспа. Многие умерли. После с Гулянки люди переселились на то место, где теперь Русское Устье стоит» [3, с. 22]. Интересно, что наш информатор П.А. Черемкин относит печальные события на Гулянке к началу XX в. и никак не связывает их с образованием Русского Устья.

Рис. 4. Урочище Гулянка, отсутствие культурного слоя в разрезе берега, фото Е.А. Строговой, 2022 г.

Обследование урочища Гулянка (рис. 4) показало полное отсутствие культурного слоя в разрезе берега и каких-либо признаков построек (холмов или западин) на поверхности. Только старые могилы говорят о том, что когда-то поселение поблизости всё же было, но остатки его полностью смыты водами реки.

Возраст могил по внешнему виду определить невозможно, поскольку они выглядят аналогично надгробиям на Старом Русском Устье. Особенности сохранения деревянных предметов и построек в условиях Арктики не позволяют визуально определить возраст сооружений даже приблизительно. Кроме того, для строительства здесь используется плавник, в составе которого может оказаться древесина любого возраста. Специальное внимание было уделено обследованию конструкций надмогильных сооружений, поскольку их древность некоторые краеведы обосновывают наличием судовых деталей. Увы, детали старинных судов в видимых остатках конструкций надмогильных сооружений обнаружены не были. Возраст существующих погребений возможно установить только путём их археологического исследования.

Таким образом, получена основа для применения метода историко-археологических комплексов и получения новых сведений о прошлом Русского Устья. Изучение памятников

исторического времени методами археологии позволяет существенно дополнить сведения письменных источников, которые, как правило, не сохраняют информации о повседневном быте. Археологическое исследование Старого Русского Устья, а возможно и погребений на Гулянке, могут сыграть существенную роль в вопросе о происхождении и времени начала формирования русскоустыинцев как этнографической группы. Материалы, полученные в ходе археологических раскопок, позволяют проследить в динамике трансформацию культуры русскоустыинцев в процессе адаптации её к условиям Арктики и степень влияния иноэтничного окружения.

Список источников

1. Фольклор Русского Устья / Сост. С.Н. Азбелев, Г.Л. Венедиктов, Н.А. Габышев и др. Ленинград: «Наука», 1986. 382 с.
2. Дружинина М.Ф. Словарь русских старожильческих говоров на территории Якутии, в 4-х томах. Якутск: Издательство СВФУ, 2007.
3. Чикачев А.Г. Русские на Индигирке. Новосибирск: «Наука», 1990. 189 с.
4. Чикачев А.Г. Русские в Арктике: полярный вариант культуры: историко-этнографические очерки. Новосибирск: «Наука», 2007. 303 с.
5. Распутин В.Г. Русское Устье // Писатель и время: сборник документальной прозы. Москва, 1989. С. 4–50.
6. Шахова В.И. Русскоустыинская национальная культура. Рабочая тетрадь. Якутск: Бичик, 2011. 56 с.
7. Зензинов В.М. Старинные люди у холодного океана. Русское Устье Якутской области Верхоянского округа. Москва: Книга по требованию, 2017. 134 с.
8. Ополовников А.В. Сокровища Русского Севера. Москва: Стройиздат, 1989. 367 с.
9. Экспедиция Беринга. Сборник документов. Москва: Главное архивное управление НКВД СССР, 1941. 418 с.
10. Строгова Е.А. Русские в низовьях Индигирки: памятники старые и новые // Культура русских в археологических исследованиях: сборник научных статей. Омск: Издательский дом «Наука», 2017. С. 232–237.
11. Старков В.Ф. Оленекское зимовье // Русские первопроходцы на Дальнем Востоке в XVII–XIX вв.: Историко-археологические исследования. Т. 5. Ч. 1. Владивосток: Дальнаука, 2007. С. 195–208.
12. Боякова С.И. Отечественные исследователи XIX — начала XX вв. о русских жителях низовьев Индигирки // Русские арктические старожилы Якутии: сборник научных статей. Якутск: ИГИИ-ПМНС СО РАН, 2019. 288 с. DOI: 10.25693/RusStarozil.2019

References

1. Azbelev S.N., Venediktov G.L., Gabyshev N.A. et al., eds. *Fol'klor Russkogo Ust'ya* [Folklore of the Russian Estuary]. Leningrad, Nauka Publ., 1986. 382 p. (In Russ)
2. Druzhinina M.F. *Slovar' russkikh starozhil'cheskikh govorov na territorii Yakutii, v 4-kh tomakh* [Dictionary of Russian Old-Timer Dialects on the Territory of Yakutia, in 4 vol.]. Yakutsk, NEFU Publ., 2007. (In Russ)
3. Chikachev A.G. *Russkie na Indigirke* [Russians on Indigirka]. Novosibirsk, Nauka publ., 1990. 189 p. (In Russ)
4. Chikachev A.G. *Russkie v Arktike: polyarnyy variant kul'tury: istoriko-etnograficheskie ocherki* [Russians in the Arctic: a Polar Version of Culture: Historical and Ethnographic Essays]. Novosibirsk, Nauka Publ., 2007. 303 p. (In Russ)
5. Rasputin V.G. *Russkoe Ust'e* [The Russian Estuary]. *Pisatel' i vremya: sbornik dokumental'noy prozy* [A Writer and Time: A Collection of Documentary Prose]. Moscow, 1989, pp. 4–50. (In Russ)

6. Shakhova V.I. *Russkoust'inskaya natsional'naya kul'tura. Rabochaya tetrad'* [Russian Ustyinsk National Culture. Workbook]. Yakutsk, Bichik Publ., 2011. 56 p. (In Russ)
7. Zenzinov V.M. *Starinnye lyudi u kholodnogo okeana. Russkoe Ust'e Yakutskoy oblasti Verkhoyanskogo okruga* [Ancient People by the Cold Ocean. The Russian Mouth of the Yakutsk Region of the Verkhoyansk District]. Moscow, Kniga po trebovaniyu Publ., 2017. 134 p. (In Russ)
8. Opolovnikov A.V. *Sokrovishcha Russkogo Severa* [Treasures of the Russian North]. Moscow, Stroyizdat Publ., 1989. 367 p. (In Russ)
9. *Ekspeditsiya Beringa. Sbornik dokumentov* [Bering's Expedition. Collection of Documents]. Moscow, Glavnoe arkhivnoe upravlenie NKVD SSSR Publ., 1941. 418 p. (In Russ)
10. Strogova E.A. Russkie v nizov'yakh Indigirki: pamyatniki starye i novye [Russians in the Lower Indigirka: Old and New Monuments]. *Kul'tura russkikh v arkheologicheskikh issledovaniyakh: sbornik nauchnykh statey* [Russian Culture in Archaeological Research: A Collection of Scientific Articles]. Omsk, Nauka Publ., 2017, pp. 232–237. (In Russ)
11. Starkov V.F. Olenekskoe zimov'e [Olenek Wintering Place]. *Russkie pervoprokhodtsy na Dal'nem Vostoke v XVII–XIX vv.: Istoriko-arkheologicheskie issledovaniya* [Russian Pioneers in the Far East in the 17th–19th Centuries: Historical and Archaeological Research]. Vol. 5. Ch. 1. Vladivostok, Dal'nauka Publ., 2007, pp. 195–208. (In Russ)
12. Boyakova S.I. Otechestvennye issledovateli XIX — nachala XX vv. o russkikh zhitelyakh nizov'ev Indigirki [Domestic Researchers of the 19th - early 20th Centuries about Russian Residents of the Lower Indigirka]. *Russkie arkticheskie starozhily Yakutii: sbornik nauchnykh statey* [Russian Arctic Old-Timers of Yakutia: Collection of Scientific Articles]. Yakutsk, Institute for Humanitarian Research and Problems of Indigenous Peoples of the North SB RAS Publ., 2019. 288 p. (In Russ). DOI: 10.25693/RusStarozil.2019

Статья поступила в редакцию 13.12.2022; принята к публикации 28.12.2022

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов